

Глава 28

Он ворвался, как вихрь.

И нежно поцеловал.

В одно мгновение время, казалось, замерло, мир остановился.

Абсолютно тёмная кладовая словно расширилась до размеров вселенной.

И в этой вселенной остались только они вдвоём: Линь Цзао и Фу Чэн.

Фу Чэн сидел на кровати не шевелясь.

Тёплое, нежное прикосновение к его лбу сковало его на месте.

Это было похоже на сказку, которую любили смотреть Сяо Цзао и Сяобао: божество спускается с небес, чтобы усмирить самого сильного, самого свирепого, самого бесчеловечного зверя.

Божество Сяо Цзао явилось перед ним и легонько коснулось его пальцем.

И от этого нежного, ласкового прикосновения он обратился в камень.

Фу Чэн знал, что Сяо Цзао его боится.

Иногда Сяо Цзао смотрел на него с опаской и настороженностью.

Стоило ему пошевелиться, как Сяо Цзао отталкивал его, убегал за железную дверь и тяжело запирал её на замок.

Поэтому Фу Чэн не смел двигаться.

Вернее, он не знал, как ему двигаться, чтобы не напугать Сяо Цзао.

А может, его одеревеневшее тело просто не могло совершать резких движений.

Поэтому Фу Чэн изо всех сил подавлял свою врождённую жажду крови, скрывая всю свою агрессию.

Он послушно сидел на кровати, как учил его Сяо Цзао, и ждал, когда тот подойдёт.

Боясь напугать Сяо Цзао, он даже старался дышать тише.

Но он не знал, что, как только эта мысль пришла ему в голову, он потерял над собой контроль.

Чем больше он старался сдерживаться, тем чаще и громче становилось его дыхание.

И его сердце, его холодное, тяжёлое сердце, забило в бешеном ритме.

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

Сильно, яростно, не переставая, словно раскаты грома.

Фу Чэн стиснул зубы и сжал кулаки.

Он пытался взять себя в руки, успокоиться.

— Нельзя так громко дышать, это напугает Сяо Цзао!

— Сяо Цзао целует меня, у него такие мягкие губы.

— И сердце не должно так громко стучать, это напугает Сяо Цзао!

— Сяо Цзао целует меня, от него так хорошо пахнет.

— Спокойно! Спокойно! Не спугни Сяо Цзао!

— Сяо Цзао целует меня! Сяо Цзао целует меня! Сяо Цзао...

Мягкие губы коснулись его лба, тёплое дыхание — его кожи.

Благоухающий Сяо Цзао стоял прямо перед ним.

Фу Чэн не смог устоять перед искушением.

Он робко поднял глаза.

Сяо Цзао целует его губами?

Почему у Сяо Цзао такие мягкие губы?

Почему Сяо Цзао не спит, а специально спустился, чтобы поцеловать его?

Увидев Линь Цзао, глаза Фу Чэна засияли.

С этого ракурса он мог видеть его бледное лицо, покрасневшие от слёз глаза и слезинку, дрожащую на ресницах.

Сяо Цзао поцеловал его не просто так.

Он сделал это всерьёз.

Но почему он плачет?

Кто его обидел?

В следующую секунду ресницы Линь Цзао дрогнули, и слезинка сорвалась вниз.

В это же время взошло солнце.

Первый утренний луч проник сквозь маленькое окошко над их головами.

Вентилятор из этого окна Фу Чэн давно убрал.

Теперь оно было пустым.

И солнечный свет беспрепятственно падал на лицо и тело Линь Цзао, окутывая его золотистым сиянием.

Фу Чэн молча смотрел на него, и уголки его губ невольно поползли вверх.

Красивый, Сяо Цзао красивый.

Солнечный свет, окутывавший Линь Цзао, падал и на Фу Чэна.

Для холодного тела зомби этот свет был обжигающим.

Но Фу Чэну было всё равно.

Поцелуй Сяо Цзао наполнил его сердце до краёв.

Сколько бы Сяо Цзао ни целовал его, он бы сидел здесь.

Если бы Сяо Цзао целовал его вечно, он бы вечно сидел здесь.

Но вот поцелуй закончился.

Линь Цзао, взяв его лицо в ладони, медленно отстранился.

Мягкое прикосновение исчезло.

И улыбка Фу Чэна медленно угасла.

Что случилось?

Почему Сяо Цзао больше не целует его?

Он что-то сделал не так?

Он же не двигался! Он не пугал Сяо Цзао!

Почему Сяо Цзао...

Фу Чэн забеспокоился и уже было хотел встать, но Линь Цзао остановил его, положив руку ему на плечо.

— Чэн-гэ, сиди. Пока я не скажу, вставать нельзя.

Линь Цзао удержал его и, наклонившись, внимательно посмотрел ему в лицо.

Фу Чэн послушно сел и так же пристально посмотрел на него в ответ.

Сяо Цзао хочет поцеловать его в другое место?

Хочет поцеловать его в губы?

У Сяо Цзао такие мягкие, такие тёплые губы, а у него...

Фу Чэн поджал губы.

Такие холодные, такие твёрдые.

И у него острые клыки, которыми он может легко прокусить губы Сяо Цзао.

И даже так, Сяо Цзао всё равно хочет его поцеловать?

Его сердце забилося ещё сильнее.

Он хотел придвинуться, хотел прикоснуться.

Он хотел поцеловать Сяо Цзао в губы.

Фу Чэн снова попытался встать, но Линь Цзао снова его остановил.

Линь Цзао видел, как он смотрит на его губы, как покраснели его глаза, и, конечно, понял, чего он хочет.

Но он был вынужден отказать:

— Нельзя! В губы нельзя!

— Мы договорились ещё несколько лет назад, когда ты ездил в рейсы, что каждый раз, когда ты возвращаешься, я буду дарить тебе приветственный поцелуй.

— Когда ты вернулся в этот раз, я забыл тебя поцеловать, так что сейчас я просто навёрстываю упущенное, это компенсация.

Линь Цзао только что плакал, и его глаза и кончик носа всё ещё были красными, как у кролика.

Он шмыгнул носом, сдерживая слёзы, и, глядя на Фу Чэна, серьёзно изложил правила:

— Можно... можно только в лоб, больше никуда нельзя!

— Могу целовать только я тебя, а ты меня — нет!

— Могу начинать только я, а ты...

Непонятно.

Фу Чэн снова встал, пытаясь приблизиться.

Линь Цзао поднял руку и легонько шлёпнул его по щеке.

— Я же сказал, нельзя! Будешь так делать, я рассержусь!

Увидев, что Линь Цзао нахмурился и повысил голос, Фу Чэн снова сел и, обиженно глядя на него, потёрся щекой о его ладонь.

Это он тоже понял! Сяо Цзао хочет его погладить!

Линь Цзао надул щёки и снова замахнулся, но бить не стал.

Пусть сейчас он и выглядит смирным и безобидным, Линь Цзао прекрасно знал, на что он способен на самом деле!

Линь Цзао мог не разбираться в зомби, но Фу Чэна он знал как облупленного!

Если бы он позволил ему взять инициативу, если бы они поцеловались в губы, Фу Чэн бы точно вцепился в него и прокусил ему губу.

И тогда вирус зомби передался бы через рану!

Поэтому...

— Сказал нельзя, значит, нельзя!

— На сегодня лимит исчерпан. Будешь хорошо себя вести, в следующий раз снова награжу.

Линь Цзао был уверен, что Фу Чэн его послушается.

Даже если он не понимал слов, он бы всё равно послушался.

Линь Цзао в последний раз взял лицо Фу Чэна в ладони, осмотрел его со всех сторон.

— Главное, что не ранен. Я сейчас пойду сварю тебе суп, а ты пока поспи ещё немного.

Сказав это, Линь Цзао отпустил его и повернулся, чтобы уйти.

Фу Чэн недоверчиво расширил глаза и ошеломлённо уставился ему в спину.

Какой властный Сяо Цзао!

С утра пораньше вломился, разбудил мирно спящего зомби.

Потом ворвался, схватил зомби за голову и страстно поцеловал его в лоб.

Поцеловал всего один раз, и тут же отвернулся и ушёл!

Он заставил сердце зомби бешено колотиться, а потом бросил его!

Какой безответственный Сяо Цзао! Какой вероломный Сяо Цзао!

Фу Чэн опомнился и, словно тигр, бросился вперёд.

В это же мгновение Линь Цзао вышел из комнаты и закрыл за собой железную дверь.

Фу Чэн врезался в дверь, издав оглушительный грохот.

Вернись! Сяо Цзао, вернись!

Нельзя так! Нельзя поцеловать и убежать!

Ещё разок! Ещё разок!

Фу Чэн в отчаянии колотил по двери, боясь при этом дотронуться до своего лба и стереть поцелуй.

Поэтому он, прикрывая лоб одной рукой, другой барабанил по двери.

Линь Цзао, стоя снаружи, конечно же, услышал шум. Он инстинктивно обернулся и коснулся своих губ.

Что... что случилось?

Он же не намазал губы ядом, что это с Фу Чэном?

Фу Чэн продолжал колотить по двери, пытаясь, как и Линь Цзао, выбить её.

Сяо Цзао, вернись!

Ещё ни одной добыче в мире не удавалось поцеловать охотника и сбежать!

Фу Чэн не мог понять.

У него самое сильное тело, самая большая сила, самая быстрая реакция, как он мог упустить любимую добычу?

В этот момент животные инстинкты в нём взяли верх.

Он горько сожалел.

Он должен был сразу схватить добычу за руки, за талию, крепко прижать к себе и поцеловать.

Как он мог беспокоиться о том, что напугает добычу? Как он мог её отпустить?

Одна ошибка — и такая катастрофа!

Сяо Цзао! Сяо Цзао! Сяо...

— Цзао!

Хриплый, грубый голос низко прозвучал в тишине.

В следующую секунду и Фу Чэн, и Линь Цзао замерли.

Линь Цзао поспешно обернулся и прижался к железной двери.

— Чэн-гэ? Чэн-гэ! Что ты сейчас сказал?

Он слышал! Он слышал, как Чэн-гэ говорит!

Фу Чэн попробовал открыть рот, прочистил горло.

— А-а-а...

Нет, не то.

Там был ещё один слог.

Кажется...

— Цзао... Цзао?

Голос Фу Чэна сейчас был далеко не приятным.

Он был хриплым, сдавленным, низким и грубым, словно его пропустили через наждачную бумагу.

Когда он произнёс это слово, его горло словно резануло ножом.

Но...

Он так долго тренировался.

Всё это время, днём и ночью, он мысленно повторял имя Сяо Цзао, днём и ночью, прячась в углу, пытался произнести его вслух.

Он знал, как это слово звучит, он слышал, как его произносят другие, но сам не мог.

А теперь смог!

Он так хотел поцеловать Сяо Цзао, что невольно выкрикнул его имя.

Наконец-то найдя способ говорить, Фу Чэн, боясь забыть, поспешно продолжил тренироваться.

— Цзао? Цзао!

— Чэн-гэ, ты говоришь! Ты заговорил!

Линь Цзао за дверью невольно закричал от радости.

— А-а! Как здорово! Ты говорящий зомби!

— Цзао...

— Цзао! Цзао-цзао-цзао!

Линь Цзао от радости подпрыгнул, закружился на месте, забегал по первому этажу, ликуя.

Он не знал, с кем поделиться этой огромной радостью!

Ему нужно было кому-то рассказать! Нужно было...

В этот момент на лестнице показался Линь Сяобао в пижаме, протирая глаза.

— Папа... ты опять тайком ходил к большому папе, а меня не взял...

Не успел он договорить, как глаза Линь Цзао загорелись. Он подбежал и подхватил его на руки.

— Сяобао, скорее! Иди послушай! Большой папа заговорил!

Линь Сяобао был ещё сонный, в уголках его глаз застыли жёлтые комочки.

— Папа, большой папа же всегда умел говорить? Он же не немой.

— Он несколько дней не говорил! Ты не заметил? Он несколько дней сидел в кладовой и молчал!

Линь Цзао, держа Линь Сяобао на руках, приложил его ухо к железной двери.

— Слышишь! Большой папа с нами здоровается!

— Папа, я не слышу...

— Тогда папа будет потише.

Линь Цзао замолчал, но не прошло и пяти секунд, как он снова не выдержал.

— Большой папа только учится говорить, у него тихий голос, так что неудивительно, что ты не слышишь.

— Но я слышал! Я слышал, как он говорил!

— Он сказал мне «Цзао»! Он поздоровался со мной! Это не галлюцинация!

— Чэн-гэ заговорил! Я же говорил, он особенный зомби! Он разумный, сильный зомби!

— Я его поцеловал, и он заговорил! Неудивительно, что он так разволновался, оказывается, он хотел со мной поговорить!

Линь Цзао от возбуждения не мог остановиться.

Фу Чэн сказал одно слово, а он — несколько сотен.

Неизвестно откуда взяв силы, Линь Цзао, держа Линь Сяобао на руках, залез на скамейку перед окном.

Он и Сяобао появились в маленьком окошке.

Фу Чэн стоял за дверью, опустив голову, и усердно тренировался.

— Цзао...

Линь Цзао был так тронут, что снова прослезился.

Он поднял руку, вытер глаза рукавом, а затем помахал Фу Чэну.

— Чэн-гэ, цзао! Цзао-цзао-цзао! Доброе утро!

Фу Чэн поднял голову и пристально посмотрел на него.

— Цзао?

— Цзао!

Линь Цзао от радости запел.

— Цзао-цзао-цзао! Птичка говорит, цзао-цзао-цзао, почему ты с рюкзачком!

Фу Чэн на мгновение замер, с недоумением глядя на него, но тут же понял и, улыбнувшись, с

нежностью посмотрел на него.

Он совсем забыл, как только что злился, что не смог поймать Сяо Цзао.

Он не понимал, почему Сяо Цзао вдруг начал повторять его имя и петь.

Но он знал, что Сяо Цзао сейчас улыбается.

В любом случае, главное, чтобы Сяо Цзао был счастлив.

Он произносит имя Сяо Цзао, и Сяо Цзао счастлив.

Сяо Цзао счастлив, значит, и он счастлив.

Поэтому он прочистил горло и, глядя на Линь Цзао, продолжил тренироваться:

— Цзао? Цзао!

Линь Цзао, услышав его голос, пришёл в восторг и, махая рукой, подпевал ему.

— Солнце в небе светит, цветы мне улыбаются, птичка говорит, цзао-цзао-цзао!

Линь Сяобао вытер из уголков глаз комочки, поднял голову, посмотрел на нежно улыбающегося большого папу, а затем на восторженного папу.

Один пел, другой повторял одно и то же слово.

Они стояли по разные стороны окна, и оба были счастливы.

Но непонятно, чему.

Плохо, очень плохо, папа и большой папа, кажется... поглупели.

— Цзао?

— Цзао-цзао-цзао!

Линь Сяобао, прижавшись к папе, нахмурился. Ему казалось, что в их разговоре что-то не так.

Прошло ещё немного времени, и Линь Сяобао, словно его осенило, наконец, понял.

Он поднял голову, прервав пение папы и односложные упражнения большого папы.

— Папа, большой папа не говорит тебе «доброе утро».

— А что же он тогда говорит? Я отчётливо слышал: «цзао». Иди поздоровайся с большим папой, скажи «доброе утро».

— Папа, большой папа зовёт тебя по имени.

— А... а?!

<http://bllate.org/book/16977/1586820>